
СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ПРЕДМЕТНЫЙ МИР В СЕМИОТИКЕ РОМАНА Г. ГАРСИА МАРКЕСА «MEMORIA DE MIS PUTAS TRISTES»

О.С. Чеснокова

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье реконструируется латиноамериканский предметный мир романа Г. Гарсиа Маркеса «Memoria de mis putas tristes», рассматриваемый как один из семиотических кодов этого текста.

Ключевые слова: семиотика, магический реализм, эстетика, языковые средства, контекст, код.

Роман всемирно известного колумбийского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе 1982 г. Габриэля Гарсиа Маркеса «Memoria de mis putas tristes» («Воспоминания о моих грустных шляхах») [11] продолжает и развивает традиции «магического реализма», который создал «уникальный голос [латиноамериканской литературы] в хоре всемирной литературы, заявивший об уникальной красочности латиноамериканского мира» [3. С. 479].

Последний на сегодняшний день роман колумбийского Мастера представляет интереснейший материал для семиотического анализа.

Сюжетная канва романа такова. Накануне девяностолетия герой решает подарить себе ночь любви с юной девственницей и обращается с этой просьбой к своей давней знакомой – хозяйке публичного дома Росе Кабаркас. Через какое-то время Роса Кабаркас сообщает, что такая девушка есть, и герой влюбляется в нее. Герой видит девушку только спящей, и для него открываются самые потаенные уголки подсознания, всплывают многочисленные воспоминания о биологически долгой, но внутренне одинокой жизни.

В финале романа герой говорит о готовности встретить свой столетний юбилей в гармонии с собой.

Как текст магического реализма, роман «Memoria de mis putas tristes» не допускает реалистического прочтения. Написанные четверть века назад видным отечественным литературоведом В.Б. Земсковым слова о творческом методе Маркеса можно отнести и к роману «Memoria de mis putas tristes»: «Всемогущество метаморфозы, безграничная способность жизни к развитию и превращаемости – это основа фантастической действительности Гарсиа Маркеса» [1. С. 114].

В тексте можно обнаружить многочисленные семиотические коды, главный из которых, по-видимому, *код времени*, имеющий в романе «Memoria de mis putas tristes» многочисленные лексико-семантические и эстетические репрезентации (см. подробнее: [6]). Представляется, что именно выдержанное в стилистике магического реализма время создает в этом романе уникальную эстетику рассказа девяностолетнего героя о любви к юной девушке, открывающей для него глубинные тайны собственной души. Отметим в этой связи вывод А.Ф. Кофмана о трактовке темы любви в латиноамериканской литературе через поэтику сверхнормативности [4. С. 248–260].

Повествование в романе протекает от первого лица – «я», являющегося главным эгоцентрическим словом [5. С. 225]. Повествователь, или образ автора, выступает в коммуникативной ситуации нарратива как аналог говорящего, ведущего рассказ в реальном длительном времени: настоящем, прошлом и отчасти будущем. Временной пласт при этом смещается как в сторону ретроспекции, так и проспекции. Читатель видит героя в девяносто лет, затем в тридцать два года, затем снова в девяносто, далее в сорок два года, затем снова в девяносто, затем в двадцать, в девятнадцать лет и т.д., при этом происходит циклический возврат к возрасту девяностолетия, создающий своеобразную ритмику повествования. На фоне реконструкции хронологии важнейших событий объективной жизни героя смена времени повествования воссоздает восприятие героем времени как психологического феномена, на основе которого и развивается эстетика рассуждений о сложных взаимоотношениях между душевными порывами, страстью, моралью и здравым смыслом, переходящих в вечные вопросы о сущности человеческого бытия.

Выдержанные в стилистике магического реализма, эстетические построения текста «Memoria de mis putas tristes» имеют и вполне реалистичный фон. Это – латиноамериканский предметный мир; то, что с детства вскормило и сформировало будущего Мастера. Как известно, в детстве Гарсиа Маркес воспитывался у бабушки и деда по материнской линии, которые познакомили будущего писателя с народными традициями и красотой родного языка, которые впоследствии стали важными элементами его творчества.

Рассмотрим те языковые средства, использованные писателем, которые помещают текст «Memoria de mis putas tristes» в достоверный латиноамериканский и колумбийский контексты.

Многочисленные лексико-семантические и эстетические *репрезентации времени* в тексте включают, например, упоминание *Тысячедневной войны* (*Guerra de Mil Días*) 1899–1902 гг. (1) (16), отразившейся на политической жизни Колумбии XX в.

Именно в год окончания Тысячедневной войны умирает отец героя, что, исходя из факта, что герой остается без родителей в возрасте 32 лет, позволяет «вычислить» 1870 г. как год его рождения и, соответственно, 1960 г. как год его исповедального рассказа.

При внешней расплывчатости *географического кода* текста его *топонимы* однозначно вызывают ассоциации именно с родиной Гарсиа Маркеса – Колумбией.

Эксплицитно не названный город, в котором родился, живет и собирается умереть герой, – это расположенный в северо-западной части Колумбии город Барранкилья, столица департамента Атлантико, о чем свидетельствует и упоминаемая в тексте городская топонимия: *Parque San Nicolás, Paseo Colón, Calle del Crimen, Café Roma, Librería Mundo* [15. P. 13]; ср.: *Vivo en una casa colonial en la acera de sol del **parque de San Nicolás**, donde he pasado todos los días de mi vida sin mujer ni fortuna, donde vivieron y murieron mis padres, y donde me he propuesto morir solo, en la misma cama en que nació y en un día que deseo lejano y sin dolor* (11) («Я живу в доме колониальной архитектуры на солнечной стороне **Парка Сан-Николас**, где я и прожил всю свою жизнь без жены и без состояния, где жили и умерли мои родители и где в той же постели, где я родился, я намереваюсь умереть в одиночестве, без боли и еще не скоро»).

В повествовании запечатлены и следующие достоверные географические реалии Колумбии и соответствующие топонимы:

– главная река Колумбии – река Магдалена (*Magdalena*), протекающая через западную часть страны: *Desde allí se ve el parque de San Nicolás con la catedral y la estatua de Cristóbal Colón, y más allá las bodegas del muelle fluvial y el vasto horizonte del río **grande de la Magdalena** a veinte leguas de su estuario* (11);

– расположенный на берегу Карибского моря город Картахена-де-Индиас (*Cartagena de Indias*) – один из крупнейших и красивейших колониальных городов Колумбии: *Mis únicos viajes fueron cuatro a los Juegos Florales de **Cartagena de Indias**, antes de mis treinta años...* (20); *Rosa Cabarcas llamó al cabo de un mes con una explicación increíble: se había tomado un merecido descanso en **Cartagena de Indias**, después del asesinato del banquero* (87);

– горная цепь Сьерра-Невада-де-Санта-Марта (*Sierra Nevada de Santa Marta*) на севере Анд: *Lo pintó con barniz de buques en el lienzo chamuscado de un avión que se estrelló en la **Sierra Nevada de Santa Marta** y con pinceles fabricados por él con pelos de sus perros* (64);

– Пуэрто-Колумбия (*Puerto Colombia*), в настоящее время – город и муниципалитет в департаменте Атлантико: *Fuimos a **Puerto Colombia** en el trenecito de juguete tan despacioso como un caballo* (95);

– Бокас-де-Сениса (*Bocas de Ceniza*, или *Ceniza* [10. P. 18] – устье реки Магдалена: *Almorzamos frente al muelle de maderas carcomidas por donde había entrado el mundo entero al país antes que se dragaran las Bocas de Ceniza* (95).

Своеобразно антропонимическое пространство текста.

Герой-повествователь не имеет имени, а прозвище, данное ему студентами, *Mustio Collado*, отсылает к испанской литературе Золотого Века и подчеркивает его погруженность в классическую литературу [12. P. 9].

Имя, которое герой-повествователь дает девушке, *Delgadina*, ассоциируется у современных носителей языка со значением прилагательного *delgado* – «худой» и с общей коммуникативной стратегией использования в качестве аффективных именованных лица (и обращений) имен, апеллирующих к особенностям телосложения и внешнего облика. По-видимому, имя девушки также связано с литературой Золотого Века и с экспортированным в Новый Свет и существующим в многочисленных национальных версиях романом о трагической судьбе юной Дельгадины [12. P. 9]. Однозначно интерпретируется носителями языка как вымышленное имя первой женщины героя – Касторина (*Castorina*), вызывающее ассоциации с зоонимом *castor* «бобер», т.е. «хищник», или с прилагательным *casto* – «целомудренный, чистый, невинный».

При этом в тексте появляются реальные имена знаковых латиноамериканских фигур, создающие достоверный латиноамериканский антропонимический и, в частности, музыкальный код XX в. текста *Memoria de mis putas tristes*. Это, например, известный автор болеро мексиканец Агустин Лара, знаменитый исполнитель танго аргентинец Карлос Гардель, мексиканский тенор Педро Варгас, кубинский музыкант Мигель Матаморос, исполнительница болеро Тонья Ла Негра:

– *cantábamos duetos de amor de Puccini, boleros de Agustín Lara, tangos de Carlos Gardel, y comprobábamos una vez más que quienes no cantan no pueden imaginar siquiera lo que es la felicidad de cantar* (62);

– *en el mío, a volumen más alto, distinguí la voz cálida de don Pedro Vargas, el tenor de América, con un bolero de Miguel Matamoros* (63).

Латиноамериканский музыкальный код текста заключен в высказывании Росы Кабаркас «Болеро – это жизнь», проникновенность и искренность которого контрастирует с обычными иронией и сарказмом, граничащими с непристойностью, ее речи: *Rosa Cabarcas tomó aire: El bolero es la vida* (28) /»Роса Кабаркас выдохнула: «Болеро – это жизнь».

Испытав чувство наполненности жизни любовью, герой пишет именно под звуки болеро: *Siempre había necesitado el silencio para escribir porque mi mente atendía más a la música que a la escritura. Entonces fue al revés: sólo pude escribir a la sombra de boleros. Mi vida se llenó de ella* (81) («Мне всегда была нужна тишина, когда я работал, потому что мой мозг больше воспринимал музыку, чем написанное слово. Теперь все стало наоборот: я мог писать только под звуки болеро. Моя жизнь наполнилась ею (т.е. Дельгадиной. – О.Ч.)»).)

Неотъемлемую часть национального предметного мира образуют *реалии мира повседневной жизни*. Они также помещают текст в латиноамериканский и колумбийский контексты, ср. латиноамериканскую гастрономическую реалию *torta de cazabe* – «пирог из маниоки»: *Me bañé mientras estaba el café, me tomé un tazón endulzado con miel de abejas y acompañado con dos tortas de cazabe, y me puse el mameluco de lienzo de estar en casa* (13) («Пока кофе готовился, я вымылся, потом выпил большую чашку, подслащенную медом, съел два **пирожка из маниоки** и надел льняную пижаму»).

Достоверно упоминание блюда из рыбы с рисом в кокосовом масле и кусочками жареного банана, в свою очередь, вызывающего у носителей языка ассоциации с названием *patacón*, традиционных в Южной Америке кусочков банана, жареных в масле [2. P. 471]: *Nos sentamos bajo un cobertizo de palma, donde las grandes matronas negras servían pargos fritos con arroz de coco y tajadas de plátano verde* (95) («Мы устроились под пальмовым навесом, где пышные негритянские матроны готовили жареных **пагров с рисом в кокосовом масле и патаконы**»).

Встраивают повествование в латиноамериканский контекст и *архетипичные черты внешнего и внутреннего облика персонажей*.

Так, герой вспоминает «типично карибский профиль отца» *caribe crudo de mi padre* (14), индейские черты безнадежно любившей его Дамианы: *aindiada* (18), немногословность и сдержанность индейского вида (*andinos; hombres de páramos*) полицейских: *Los agentes eran hombres de páramos, duros y callados, con un olor de establo. El oficial los vigilaba a todos con las mejillas chapeadas de los andinos en la playa* (53) («Полицейские были типично **индейского вида, суровые и немногословные**, пахнущие хлебом. Щеки их начальника-индейца были словно обожжены солнцем Анд»).

Интересны разговорно-обиходные *латиноамериканизмы* текста, также способствующие созданию его достоверного пространственно-временного фона.

Это, например, характерное для речи колумбийцев метафорическое использование существительного «какао» как обозначения воротил бизнеса [13. P. 51]; ср.: русск. «шишка»: *Lo hacía por el gusto, pero terminó por ser parte de mi oficio gracias a la ligereza de lengua de los grandes cacao de la política* (19) («Я делал это ради удовольствия, но в дальнейшем это стало частью моего ремесла благодаря длинным языкам **важных политических шишек**»). *Nadie igual a Rosa Cabarcas para una situación como aquella: le vendió la virginidad de la niña a alguno de sus grandes cacao a cambio que a ella la sacaran limpia del crimen* (90) («Никто не вышел бы из этой ситуации так, как это сделала Роза Кабаркас: она продала невинность девушки одному из крупных **шишек**, который и спас ее от наказания за преступление»).

Таксист, подвозящий героя к борделю, прощается с ним со следующими словами:

– *Adiós, doctor- me gritó con todo el corazón-, ¡feliz polvo!* (25).

Существительное *polvo* используется в речи колумбийцев как фамильярное обозначение полового акта [9. Р. 175].

В тексте запечатлено достаточно редкое для современного узуса значение «проснуться» глагола *recordar*, зафиксированное в числе прочих ареалов распространения и Колумбии [8]: *El día de mis noventa años había recordado, como siempre, a las cinco de la mañana* (12). «В день моего девяностолетия я **проснулся**, как и всегда, в пять утра».

Примечательна актуализация одного из частотных для Латинской Америки [14. Р. 534–535] «пустых» существительных – существительного *vaina*, имеющего в речи колумбийцев множество производных [7. Р. 197; 13. Р. 27–31]. Говоря Росе Кабаркас, что он передумал встречаться с девушкой, герой употребляет именно это крайне расплывчатое и каждый раз обнаруживающие контекстуальные смыслы слово: *Gracias, le dije, pero esa vaina es agua pasada* (48) («Спасибо», – сказал я ей, – «**Это все в прошлом**»).

Взаимодействие достоверного латиноамериканского кода предметного мира с другими семиотическими кодами и мотивами текста «Memoria de mis putas tristes» создает его уникальную семиотику.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Примеры и ссылки на текст романа «Memoria de mis putas tristes» цитируются по изданию [11]; числа в круглых скобках означают номера страниц.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Земсков В.Б. Габриэль Гарсиа Маркес: Очерк творчества. – М., 1986.
[2] Испанско-русский словарь. Латинская Америка / Под ред. Н.М. Фирсовой.– М., 2004.
[3] История зарубежной литературы XX века / Под ред. Л.Г. Михайловой и Я.Н. Засурского. – М., 2003.
[4] Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира.– М., 2003.
[5] Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985.
[6] Чеснокова О.С. Семиотика времени в романе Г. Гарсиа Маркеса «Memoria de mis putas tristes» // Вопросы филологии. – 2009. – № 3 (33).
[7] Breve diccionario de colombianismos. – 3ª edición revisada y actualizada. – Bogotá, 2009.
[8] Diccionario de la Real Academia Española. – 22ª Edición. Versión en línea // www.rae.es.
[9] Diccionario de parlache / Castañeda Naranjo, Luz Stella y Henao Salazar, José Ignacio. – Medellín, 2006.
[10] Diccionario de topónimos y términos costeros de Colombia. – Bogotá, 1998.
[11] García Márquez G. Memoria de mis putas tristes. – Bogotá, 2004.

- [12] *Moreno-Durán R.H.* De ángeles está rodeada // Piedepágina. Noviembre-diciembre de 2004. – P. 8–11.
- [13] *Montoya R.* Diccionario comentado del español actual en Colombia. – Bogotá, 2006.
- [14] *Richard Renaud* (Coordinador). Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia: Segunda edición aumentada. – Madrid, 1997.
- [15] *Zuluaga C.* Mastín viejo ladra echado // Piedepágina. Noviembre-diciembre de 2004. – P. 12–14.

**LATIN AMERICAN REAL OBJECT WORLD
IN THE SEMIOTICS OF «MEMORIES OF MY MELANCHOLY
WHORES» BY G. GARCÍA MÁRQUEZ**

O.S. Chesnokova

The Foreign Language Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article reconstructs the Latin American real object world of the novel «Memories of My Melancholy Whores» by G. García Márquez, which is considered one of the semiological codes of this text.

Key words: semiology, magical realism, aesthetics, linguistic means, context, code.